

Е. В. Леонтьев, А. Н. Шестаков
Усадьба и жилище русских старожилов юга
Приенисейского края в первой половине XIX в.

Складываясь в процессе колонизации, культура русского населения Сибири включала в себя множество этнолокальных и субэтнических традиций. Непосредственными их источниками являлись унаследованные первопоселенцами представления, бытовавшие в местах их прежнего жительства, опыт адаптации к новым природным и этнокультурным условиям, информация, получаемая в ходе контактов с жителями других регионов страны. Содержание трех названных факторов было неоднородным на территории расселения русских за Уралом, выражаясь в локальных особенностях одежды, говора, жилых построек и других аспектах повседневного быта.

С течением времени под влиянием рынка и новых волн переселенческого движения, этническая традиция жителей края меняла свой облик, создавая особый и мало изученный пока пласт местной истории – истории традиционной культуры русских старожилов.

Современные знания об этом процессе базируются в основном на материалах полевых исследований этнографов и охватывают, поэтому, сравнительно поздний рубеж – конца XIX – начала XX в. Более ранние периоды, требующие преимущественного изучения архивных данных, известны гораздо слабее. Это относится, наверное, практически ко всем аспектам традиционной культуры русского населения, одним из которых является крестьянская усадьба и жилище.

В рамках данной темы особенный интерес представляют вопросы типологии усадебно-жилых комплексов старожилов, позволяющие путем сравнительного анализа судить о влиянии различных этнографических районов Европейской России на традиционную культуру русских поселенцев за Уралом.

В настоящей статье мы постарались рассмотреть подобным образом усадьбу и жилище русских старожилов южных районов Среднего Енисея в первой половине XIX в.

Юг Приенисейской Сибири был населен в этот период в основном потомками сибирских крестьян и казаков, живших в среднем и нижнем течении Енисея с XVII – начала XVIII в. Селились они, преимущественно, в лесостепной части региона. К югу от Красноярска наиболее освоенными являлись земли, в долине Енисея и по берегам правых его притоков, Тубы и Сыды. В XVIII в. переселение сюда крестьян из Европейской России являлось сравнительно небольшим, поэтому категорию пришлых составляли, главным образом, ссыльнопоселенцы.

Леонтьев Евгений Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея.

Шестаков Александр Николаевич, научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея.

Эл. почта: martianov-muzey@mail.ru

© Е. В. Леонтьев, А. Н. Шестаков, 2009

Описывая дома и усадьбы тамошних крестьян, первый губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов отмечал в 20-е гг. XIX в., что в деревнях здесь «редко случаются дворы крытые, но все (они) почти обнесены забором... бревенчатым или дощатым... Исключая жилые избы, – постройки усадеб – состоят из двухъярусного сарая и множества низких срубов без кровель с поросшей зеленью на земле, насыпанной на потолках. Все хлебни (амбары) их соединены вместе, и с какой-нибудь части селения составляют как бы особую часть его...

Обыкновенные дома строятся долевым фасом по улице, на подпольях с высокими крыльцами. Сквозные сени разделяют дом на две половины; с одной стороны приспешная изба, с другой, на рундуке, т. е. на возвышении четырехпяти ступеней горница, разделенная перегородкой. Печи все с трубами... Окна растровчатые высотой 3/4 аршина, стеклянные, слюдяные и пузырные. Кровли тесовые, иногда из драни. Через сени ход с улицы во двор, но как все дома чрезвычайно высоки, то с заднего крыльца один ход по ступеням вниз, а другой через дощатые перекладины в верхний ярус большого сарая, т. е. под просторный навес, поддерживаемый столбами: здесь летом собирается семейство, в особенности женщины и занимаются работами. В самом дворе в нижнем ярусе сарая лежит сено, конная упряжь, сельские орудия, а в маленьких срубах житни, закуты, бани»¹.

Приведенные наблюдения рисуют весьма оригинальный тип двора енисейских старожилов, описания подобных которому, нам еще не встречались в литературе, посвященной другим районам Сибири. Указанный тип, очевидно, сочетал в себе элементы северной и южнорусской традиций жилого комплекса. Отражением первой являются в нем дом на высоком подклете, двухъярусность хозяйственных построек и вынесенные за пределы усадьбы амбары; вторую представляют открытая форма двора и постановка дома «долевым фасом по улице», вдоль передней границы усадьбы.

Сходная застройка встречалась во второй половине XIX в. на Урале в южных районах Пермской губернии. Ее также отличали высокая изба с близко расположенной клетью, в верхний этаж которой вел ход из сеней, а в нижний – с земли². Говорить о заимствовании данного комплекса енисейскими старожилами мешает отсутствие «следов» его бытования в Западной Сибири, например, на Алтае, население которого было связано с жителями Приенисейского региона.

Вместе с тем, отмеченный Степановым тип можно трактовать как редуцированный вариант крытого двора двухрядной планировки. Источники XVII в. свидетельствуют, что первые русские поселенцы на Енисее были знакомы с традицией возведения крытых дворовых комплексов. Речь, правда, идет о более типичных для Севера *хоромах* однорядной связи³. Бытование дворов двухрядного плана отличало в основном районы Верхнего Поволжья и юга Вологодской гу-

¹ Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997. С. 175.

² Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда (середина XIX – начало XX вв.). М., 1967. С. 147.

³ Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1981. С. 111.

бернии¹. Встречались они также в Приуралье и на Алтае². По отношению к улице дом и пристроенный к нему сбоку двор ставились, как правило, перпендикулярно, «в два коня» (коньками крыш на улицу). Вход устраивался в узкой торцевой части всего строения. Иное расположение избы с двором – вдоль улицы – было характерно для населения Пермского края. Отличая местное домостроение, подобные комплексы начали распространяться там со второй половины XVII в.³

Таким образом, вполне вероятно, что генетически застройка двора, описанная Степановым, восходит к Приуралью. Но в том виде, в каком он ее застал, она могла сложиться и на месте, превратившись из крытой двухрядной связи в открытый двор с клетью. В XVIII в., как считает Г.К. Вагнер, в зодчестве восточносибирских старожилов происходил процесс перехода от крытого двора к открытому, совпавший по времени с колонизацией Среднего Енисея и Приангарья⁴.

Относительно жилища сведения рассматриваемого источника свидетельствуют о бытовании на юге Приенисейского края в 1820-е – 1830-е гг. изб на «связи» развитой планировки – «изба – сени – горница». Появление на Енисее домов подобного плана в варианте «изба – сени – клеть» фиксируется уже в писцовых книгах 70-х гг. XVII в.⁵ К началу XIX в. трехкамерные «связи» повсеместно встречались в Сибири, преобладая в таежной зоне⁶.

Характерно указание автора на значительную высоту жилищ, и на то, что горницы в них ставились на *рундуке*, выше избы и сеней согласно севернорусской традиции. Противоречила этому постановка дома – не торцевой частью, а фасадом на улицу, как на юге России. Сказывалось южнорусское влияние и в интерьере жилища: А.П. Степанов пишет об обычае местных хозяев покрывать стены внутри домов белой глиной⁷.

Дома – «связи» и рассмотренная выше застройка двора отличали, по свидетельству губернатора, крестьян среднего достатка. Богатые жили в домах «по несколько комнат», убранство которых включало городскую мебель, обои на стенах, зеркала. Во дворе у таких хозяев стояли отдельно высокие амбары, избы, сараи. «В каждой почти деревне можно было отыскать от одного до пяти таких домов⁸».

Сведения А.П. Степанова о типах енисейских усадеб в начале – первой трети XIX в. дополняют наблюдения других авторов. Побывавший в 1830-е гг. в Минусинском округе Н. Щукин указывает в своем очерке на двухчастную планиров-

¹ *Русский Север*. Этническая история и народная культура XII – XX вв. М., 2004. С. 226.

² *На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства*. М., 1989. С. 98. *Липинская В.А.* Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // Советская этнография. 1975. № 5. С. 38.

³ *На путях из Земли Пермской в Сибирь...* С. 99.

⁴ *Вагнер Г.К.* Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // Советская этнография. 1956. № 3. С. 67.

⁵ *Этнография русского крестьянства Сибири...* С. 107.

⁶ *Шелегина О.Н.* Русские крестьяне Западной Сибири: особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 62.

⁷ *Степанов А.П.* Енисейская губерния. С. 175.

⁸ Там же. С. 176.

ку здешних усадеб с разделением на передний и скотный дворы ¹. Расположение их по отношению к жилищу (тоже «связи» с горницей – прим. авт.), правда, у него не оговаривается, но оно является очевидным из записок другого путешественника, Г. Пейзына. В середине XIX в. он посетил Енисейскую губернию, оставив весьма ценный материал о культуре и быте местного населения.

Описывая дома «старинной» постройки – в основном начала XIX в. – Г. Пейзын сообщает, что форма их была «по большей части продолговатая с высоко поднятой крышей... окна маленькие и прорублены также высоко... Фасад такого дома выходит на двор или на улицу; перед домом большое, высокое крыльцо, вроде галереи, обшитой тесом... Иногда к старому дому пристраивается в длину другой дом, и тогда все строение представляется в виде длинного сарая, в котором одна часть выше, другая ниже... Большие сквозные сени разделяют избу от горницы. Обыкновенно окна горницы выходят во двор, а избы – на улицу» ². О планировке «старого» двора дает представление следующее замечание: «Из сеней (сквозных, посередине дома, поставленного торцом на улицу – прим. авт.) выход на двор, где обыкновенно помещается скот и домашняя птица; тут же складываются сено, солома, дрова. На переднем дворе – расположенном по другую сторону дома – амбары и кладовые» ³.

Приведенные данные подтверждают мнение Н. Щукина и А.П. Степанова о том, что главным жилым строением в деревнях енисейских старожилов начала XIX в. являлась рубленая на подклете «связь» с горницей. Что касается застройки двора, то в качестве одного из типов Г. Пейзын описывает усадьбу замкнутой трехрядной планировки. Данный тип отличался расположением жилища – посередине усадьбы торцом на улицу, – при котором площадь двора была разделена на две половины – «чистую» и «скотную» по обе боковые стороны от дома. Плотные поставленные строения образовывали вместе с заплотом замкнутой периметр – каре, придавая усадьбе черты оборонительного сооружения.

В отличие от двора с клетью, трехрядная застройка была известна в XIX в. не только в Приуралье, но и в Камско-Вятском регионе ⁴. Встречалась она и в различных районах Сибири: подтаежной зоне Тобольской и Томской губерний, на Алтае, в Приангарье ⁵. Н. Щукин и Гагемейстер писали о ней, характеризуя усадьбу крестьян Иркутской губернии ⁶. В работах Г.К. Вагнер и Н.М. Полуниной замкнутые трехрядные дворы отмечаются в местах коренного расселения старожилов на Ангаре ⁷.

¹ Щукин Н. Минусинский округ // Журнал Министерства Внутренних дел. 1856. Ч. 18. С. 12–13.

² Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Каннского округов Енисейской губернии (Из путевого журнала 1857 г.) // «Живая старина». 1913. Вып. 3. С. 310.

³ Там же. С. 314.

⁴ Русские. Историко-этнографический атлас... С. 147–148.

⁵ Липинская В.А. Типы застройки усадьбы... С. 37; Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов... С. 58.

⁶ Щукин Н. Быт крестьянина Восточной Сибири // Журнал Министерства Внутренних дел. 1859. Февраль. С. 32; Гагемейстер К. Статистическое описание Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. С. 115.

⁷ Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М., 1990. С. 129; Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов... С. 61.

По мнению В.А. Липинской усадьбы подобного плана были наиболее характерны в Сибири для районов, чьи жители значительную роль отводили разведению скота¹. В XVIII – первой половине XIX в. юг Приенисейского края, безусловно, относился к числу таковых. Князь Костров писал в 1850-е гг.: «несмотря на то, что многие места Шушенской волости Минусинского округа очень удобны для хлебопашества, однако же, оно составляет здесь только второстепенную отрасль промышленности, уступая первое место скотоводству, которое требует гораздо менее труда со стороны поселянина...»². У мещан Минусинска в 1829 г. в среднем на каждое домохозяйство приходилось до 50 голов разного скота – немногим меньше, чем в хозяйствах кочевавших в окрестностях хакасов – качинцев³.

Наряду с домами «старинной» постройки Г. Пейзын уделяет внимание и новым строениям: «...в Минусинском округе домов новой постройки множество. Главная и как будто необходимая принадлежность нового дома – это большое венецианское окно и резьба на карнизах и окнах. Наружная форма этих домов более квадратная с низкими крышами... Фасад такого дома большей частью выходит на обширный двор... Со двора большое глухое крыльцо ведет во внутреннее жилье. Сени или разделяют дом на две половины или прямо с крыльца вход ведет в переднюю и далее в большие светлые комнаты, которых, смотря по состоянию хозяина, бывает от трех до семи; зал, гостиная, небольшая комната в роде буфета, спальня и, наконец, избы, где приготавлиются кушанья. Стены обшиты тесом или оштукатурены: окна большие, стеклянные»⁴.

Таким образом, кроме традиционных «связей», крестьяне Минусинского округа строили в середине XIX в. также и многокомнатные дома крестовой планировки. То обстоятельство, что Г. Пейзын не упоминает о них, рассматривая дома «старинной» постройки, очевидно, говорит о том, что в бытность А.П. Степанова они встречались реже. Характерно указание на распространение в зодчестве старожилов элементов городской архитектуры, таких как большие окна, резьба на карнизах, обшитые тесом стены домов.

Судить о планировке новых усадеб представленный источник возможности не дает. Очевидно, распространение крестовых домов происходило параллельно с отказом старожилов от дворов трехрядной застройки. На рубеже XIX–XX вв. они уже не являлись здесь массовым типом. В основном получил распространение более характерный для средней полосы России двор П-образного плана с вынесенным «на зад»⁵ пригоном для скота⁵.

Подведем итог: жилой комплекс енисейских старожилов складывался в первой половине XIX в. под влиянием северной и среднерусской традиций. Более всего угадывается влияние традиционной культуры Приуралья и Верхнего Поволжья. Бытовали несколько различных вариантов усадеб, наиболее распространенными из них, очевидно, являлись замкнутая трехрядная застройка (кам-

¹ Липинская В.А. Типы застройки усадьбы... С. 37–38.

² Ватин В.А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1916. С. 89.

³ Там же. С. 107.

⁴ Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Каннского округов Енисейской губернии... С. 314–315.

⁵ Ащепков Е.А. Русское народное зодчество Восточной Сибири. М., 1953. С. 44.

ско-вятский тип по определению Е.Э. Бломквист¹) и двор с клетью. Последний, на наш взгляд, сложился в результате трансформации крытого двора двухрядного планировки. Вопрос о происхождении данных комплексов на Енисее, впрочем, требует дополнительного изучения.

Жилище местных крестьян представляло собой в основном установленную на подклете «связь» с горницей. Кроме этого, можно говорить о начале распространения в данный период на территории региона многокомнатных домов сложного плана.

¹ *Майничева А.Ю.* Развитие традиционного жилища русских крестьян Западной Сибири // *Народы Сибири: история и культура.* Новосибирск, 1997. С. 122.